

Глава 1.

ДОЖДЬ

Лафайет, штат Луизиана, США

Я дергаю ручку двери. Замок, как всегда, упрямо заедает, и я проклиная тот день, когда купила эту машину. Дергаю посильнее — дверца со скрипом открывается, и в салон врываются капли дождя.

— Спокойно, Эми, — бормочу себе под нос, — все не так плохо, как ты думаешь.

За пару мгновений моросящий дождик перерастает в ливень. Моя одежда становится насквозь мокрой, а волосы неприятно прилипают к лицу. Вдобавок ко всему начинается сильный ветер. Прикусывая нижнюю губу, я пытаюсь сохранять спокойствие, в то время как внутри меня бушует ураган плохих эмоций.

Не стоило приезжать сюда, в ее родной город, в поисках новой, спокойной жизни. Я подхожу к небольшому, знакомому мне с детства дому и окунаюсь в воспоминания.

Здесь все осталось прежним: огромные кривые ветви деревьев, нависающие над старым домом молочного цвета с бледно-голубой черепицей, запах сырого асфальта и листвы, — все это напоминает мне о тех днях, когда мы с мамой приезжали к бабушке

летом, и она угощала нас своей фирменной шарлоткой с хрустящей корочкой и блинчиками с корицей.

Я закрываю глаза и вдыхаю призрачный запах печеных яблок и теста. На мгновение мир перестает существовать: этот дождь, холод, моя разваливающаяся машина и бесконечные поиски матери, пропавшей год назад. Все становится правильным, и, переведя дыхание, я иду в дом. Дверь с жалобным скрипом открывается, впуская меня в уютную гостиную с моим любимым диванчиком у окна, где я часто сидела вечерами за кружкой какао и читала очередной бульварный романчик.

В Лафайете часто идут дожди. Улицы затапливало до тех пор, пока десять лет назад проблему не решили, переработав всю систему канализации. Страховые компании ненавидели этот город, а его жители ездили в основном на высоких джипах, чтобы в огромных лужах не залить мотор. Нашему дому всегда везло: он находился на небольшом склоне, что уберегало от наводнений.

Не сдерживая счастливой улыбки, с чувством сладкой ностальгии, я иду открывать гараж, чтобы завезти туда свою развалюху, которую купила у отца одноклассника пару лет назад. Теперь я понимаю, почему он так радовался нашей сделке: я разорилась на починку двигателя уже дважды за этот год.

Я паркую машину и невольно замечаю угольно-черный Форд Мустанг, притаившийся на другой стороне улицы. Из-за проливного дождя мне не удастся разглядеть водителя, отчего на душе становится тревожно. Эта машина кажется мне подозрительной, как и те полсотни, что встречались по дороге. Но даже когда я немного успокаиваюсь, когда моя мания преследования утихает, я не могу не отметить, что такая тачка — большая редкость в этом районе.

Заставляю себя отвернуться от тревожащего меня объекта и спешу поскорее закрыть дверь гаража.

«Ты снова себя накручиваешь, Эм», — мысленно повторяю и иду раскладывать вещи.

С уходом мамы меня не покидает чувство, будто за мной кто-то следит. Возможно, так мое подсознание отказывается принимать горькую реальность: поиски мамы прекратились пару месяцев назад. Ее причислили к пропавшим без вести. Весь прошлый год я была словно на иголках: утро начиналось со звонков в больницу и полицию, сутки проходили в бесконечном мониторинге новостей в Интернете, а вечера — в морге. Каждый раз, когда с мертвого тела поднималась простыня, мое сердце переставало биться. К счастью, ни одно холодное лицо не было ее лицом. Не могу поверить, что мама вот так просто бросила меня, и не могу смириться с тем, что ее, возможно, больше нет.

Моя комната находится на втором этаже, маленькая и уютная, в теплых молочных цветах. Там до сих пор хранятся мои тетрадки и изрисованные альбомы, а в воздухе витает запах акварели вперемежку с каким-то сладким и непонятным запахом этого дома. Я смотрю на свою кровать. В детстве она казалась мне огромной, а сейчас мне в нее не уместиться.

Мамина спальня — напротив моей; в ней больше света. Я любила приходить к маме в ясные дни и наблюдать, как маленькие пылинки переливаются в солнечных лучах, представляя, что это волшебная пыль.

Кидаю сумку на потертое кресло и падаю на кровать.

Год назад не стало бабушки. После этой утраты, после похорон, в маме что-то изменилось. Она замкнулась в себе и решила ненадолго уехать, оставив

меня в Лос-Анджелесе доучиваться последний семестр. Предварительно она переписала бабушкино завещание на меня, чтобы у меня за душой хоть что-то имелось, так что помимо денежных сбережений мне в наследство остался и этот дом.

После школы мне предлагали стипендию во многих университетах страны, но я выбрала университет Луизианы, ведь, возможно, именно здесь мне удастся найти зацепки, касающиеся исчезновения мамы.

Я аккуратно раскладываю вещи в мамин комод и расстилаю постель. За окном уже сумерки, а дождь до сих пор не прекращается. Я подхожу к окну и смотрю на улицу — машины больше нет, видимо, туристы заблудились. Несмотря на ужасную погоду, приезжие — частые гости этого городка. У нас много музеев и парков, которые так сильно привлекают гостей. А еще здесь часто проходят музыкальные фестивали и ярмарки. Лафайет идеально подходит для спокойной, семейной жизни.

Обустроив комнату на свой лад и перекусив, я иду в душ, чтобы смыть с себя остатки дождя, попутно закидывая вещи в стирку. Дорога была очень долгой, поэтому, как только я попадаю в уютную постель и моя голова касается мягкой подушки, меня уносит в сладкий и безмятежный сон.

Глава 2.

ТОМ

Дыхание держу ровнее, сохраняю средний темп, чувствуя первые покалывания в боку. Пробежка с утра — не столь давняя традиция. Она приводит мысли в порядок и позволяет отвлечься. Я люблю слушать музыку во время прогулок, а во время бега она помогает мне подобрать нужный ритм.

Забегаю в небольшой парк и перехожу на шаг, чтобы привести пульс в норму. Вдыхаю полной грудью запах свежескошенной травы, и на лице появляется легкая безмятежная улыбка. Сегодняшнее утро подарило немного солнца, что так несвойственно для приближающейся осени в этом городе.

Выхожу на небольшую поляну, залитую солнечным светом, и наслаждаюсь теплом.

Спокойствие и умиротворенность — вот, что я ожидала от переезда, и мои ожидания оправдались.

«Где бы ты ни была, что бы с тобой ни происходило, знай: дома тебя всегда ждут и любят», — говорила мне мама.

Я вспоминаю ее слова, и пелена слез застилает глаза. Радость и печаль перемешиваются в ком эмоций, и я присаживаюсь на газон, обхватив колени руками.

Меня зовут Эмилия Грин, мне восемнадцать лет, и я совсем одна. Моя бабушка умерла, мама пропала, а отца я никогда не видела. Мама говорила мне быть сильной, но с каждым днем я теряю веру.

Надеюсь, хотя бы в этом городе я смогу жить по-новому.

Минуту лирики прерывает чей-то яростный крик; я вздрагиваю и всматриваюсь в сторону звука, а затем направляюсь к источнику шума. За деревьями, рядом с многолетним развесистым дубом, появляются силуэты людей. Пышные ветви скрывают их лица.

— Сколько раз повторять: не суй свой нос в чужие дела! — слышится чей-то грубый баритон.

Я прячусь за толстым деревом и наблюдаю за происходящим: тройка незнакомцев в капюшонах окружили парня, лежащего на сырой земле и захлебывающегося собственной кровью. Его одежда тоже пропитана ею, а еще грязью и пылью. Он хрипит и что-то бубнит себе под нос, постанывая от боли. Второй парень, тот, что в черной косухе, изо всех сил пинает его ногами в живот. Нападающего я не вижу, он стоит спиной, так что мне приходится раздвинуть листву, чтобы запомнить лица бандитов. Я опускаюсь на четвереньки и ползу под кустами, отделяющими меня от хулиганов, пытаюсь увидеть хоть что-то, но как только мне удастся найти лучший ракурс, незнакомцы растворяются в лесной чаще. Остался лишь окровавленный парень, и он, валяясь в грязи, продолжает хрипеть.

Я подбегаю к пострадавшему и вижу его разбитое лицо: из носа хлыщет кровь, левый глаз закрылся от отека, а губы похожи на две огромные сарделины.

— Я вызову скорую. — В моем голосе слышится паника, но я стараюсь не подавать виду.

— Не надо, — тихо отвечает парень.

— Ты шутишь? Ты себя видел?! — Я собираюсь достать телефон из спортивного чехла на плече, как вдруг его пальцы впиваются в мое запястье.

— Я же сказал, не надо, — раздраженно чеканит незнакомец.

Секунда ступора в потоке мыслей, и решение приходит само собой.

— Вставай. — Пытаюсь сохранить спокойствие. — Ты сейчас захлебнешься.

Я даю ему руку и помогаю подняться. Парень кряхтит и машинально задирает голову вверх, чтобы остановить кровь из носа.

— Не нужно, — говорю ему и касаюсь ладонью его затылка. — Зальешь пазухи, пойдём, я живу неподалеку.

Я закидываю его руку себе на плечи и потихоньку веду к дому. Мы молчим, только слышно, как незнакомец шаркает по асфальту отяжелевшими ногами и время от времени сплевывает кровь.

Дома я усаживаю его на край ванны, а сама принимаюсь искать аптечку в своих еще не распакованных коробках.

— Ты запомнил их лица, сможешь их описать?

— Не надо никого описывать. Это был Адам Кинг — демон города Лафайет. Ты что, не местная? — Незнакомец осматривает мои вещи.

— Отсутствовала какое-то время.

— Теперь ясно, почему ты задаешь столько вопросов. — Он слабо усмехается, и я понимаю, что у него постепенно сходит шок и начинается нервный срыв.

Надо бы ему успокоительное дать. И себе заодно.

— Вот же она. — Я достаю коробку с медикаментами, нахожу в ней вату и бинты и изучаю сломанный нос незнакомца. — Погоди, я сейчас.

Достаю из морозилки пакеты со льдом и прижимаю их к переносице парня, отчего тот начинает

тихо шипеть. Настойчиво обрабатываю ссадины и смываю кровь с его лица.

— Кстати, меня зовут Том, — бодро признается мой «пациент» и улыбается. Из разбитых губ сочится кровь. — Том Флинн.

— Эмилия, — его улыбка заставляет меня улыбнуться в ответ, — Эмилия Грин.

Несмотря на свежие, воспаленные раны, Том довольно симпатичный: правильные черты лица, темные волосы и ясно-голубые глаза. Такой цвет — редкость, поэтому я на пару секунд задерживаю на них взгляд, пытаюсь понять, носит ли он линзы, но так и не замечаю прозрачный ободок. Парень же не обращает внимания на мое любопытство, лишь слегка щурится, улыбаясь мне. Он излучает исключительное добро, хоть и находится не в лучшем состоянии.

— Ты врач? — спрашивает он.

— Моя мама была медсестрой, я все детство провела в приемных покоях — хочешь не хочешь, а научишься оказывать первую помощь. Тебе по-любому нужно в больницу, у тебя сломан нос. И лучше потопись, кости тут быстро срастаются.

Том медленно встает с бортика ванны.

— Спасибо тебе, Эмилия.

— Лучше просто Эми.

Он делает шаг вперед, но внезапно корчится от боли, схватившись за ребра.

— Все гораздо серьезней, чем я думала, — шепчу я, чувствуя, как от напряжения трясутся руки. — Я отвезу тебя в больницу.

— Нет.

Его упорство заставляет меня улыбнуться.

— Поехали, Том Флинн, больно не будет.

Он неохотно кивает и двигается за мной.

Мы садимся в машину, но уехать сразу не получается: развалюха заводится только с третьего раза,

отчего у моего спутника вырывается смешок. Он скептически косится в мою сторону, явно намекая на ненадежность моей старушки.

— Зато не пешком, — пожимаю я плечами.

Мы выезжаем из гаража и двигаемся в сторону единственной больницы в этом районе. Том держит уже подтаявший лед на переносице и периодически сдерживает гримасу боли.

— Чем же ты не угодил демону Лафайета? — решаю завести разговор, так как приемник давно не работает, а неподдельный интерес Тома меня смущает.

— Скажу правду, и ему придется тебя убить.

— Откуда же он узнает? Я ведь только приехала.

— Эми, у этого человека стерты понятия добра и зла. Он не любит, когда кто-то мешает его планам, и делает все, что ему заблагорассудится. Я один из немногих, кто пытается хоть как-то бороться с его тиранией.

— А почему никто не обращается в полицию?

— А смысл? Его отец — самый богатый человек в Луизиане, у него большой авторитет, он откупит своего пасынка от любой «шалости».

Очередной богатенький мажор позволяет себе слишком многое... Наверное, в каждом городе есть свой отморозок.

— Говорят, на выпускном он убил Джимми Смита, скинул его с моста, но полиция в итоге объявила о несчастном случае. — Том явно взволнован. — Но я не верю копам, хочу найти доказательства преступлений и упрятать Адама за решетку.

Меня поражает бесстрашие Тома перед таким чудовищем, как Адам. Мало кто не опускает руки, сталкиваясь с подобной безнаказанностью. Зато если сейчас Том снимет побои, виновник будет наказан.

Мы подъезжаем к больнице, и я провожаю Тома в приемку. Некоторое время в коридоре слышатся